

Максим НИКУЛИН: Цирк должен меняться осторожно и постепенно

Россия, 2005-22-28 Дек. с. 19

О московском Старом цирке, он же Цирк Юрия Никулина, слышал, наверное, каждый. И даже тот, кто давно вышел из детского возраста, невольно ассоциирует слово «цирк» с чем-то детским, радостным и безмятежным. И одновременно таинственным. О том, что на самом деле происходит в цирке, наш корреспондент беседует с художественным руководителем Максимом Никулиным.

Беседовал
Александр Славуцкий

— Кто вы по сути, реформатор или консерватор?

— Я консерватор, и сознательно выбрал этот путь. Потому что никакого модернизма или новаторства без традиций не будет. Я не отвергаю эксперимент и поиск, но он не должен доминировать. Конечно, цирк не стоит на месте и развивается, и в наших программах каждый год появляется что-то новое. Но люди привыкли к определенному цирковому искусству, и поэтому, чтобы не разочаровывать их, меняться цирк должен осторожно и постепенно. К тому же не забывайте, что старые вещи бывают и в комиссионке, и в антикварном магазине, но цена у них разная. И я считаю, что наш цирк скорее второе, чем первое.

— Наверное, при подготовке цирковых номеров, особенно с животными, постоянно происходят забавные эпизоды, когда они разбегаются, разлетаются, не слушаются и так далее?

— Но вообще-то, когда животные разбегаются по цирку, особенно какие-нибудь тигры или медведи, это далеко не смешно. Несколько лет назад у нас был номер с крокодилами. Однажды во время репетиции они каким-то образом выбрались из своего вольера и рванули в разные стороны по манежу. А крокодилы, оказывается, бегают довольно быстро. Так вот, все люди, которые в это время сидели в зале (а во время репетиции там всегда кто-нибудь находится), буквально через пять секунд находи-

лись в оркестровом помещении над манежем, хотя забраться туда совсем не так просто. И сидели там, пока дрессировщик не утихомирил своих питомцев и не перетаскал их за хвосты в вольер.

— Но в цирке, по идее, постоянно должно происходить что-то смешное.

— Не дай бог. Потому что цирк, с точки зрения администрации, — это довольно скучная система, работающая как швейцарские часы, в которой желательно, чтобы ничего не происходило. И любой сбой — это всегда

ЧП, и поэтому задача администрации не допустить никаких, как вы говорите, смешных моментов. Ведь то, что людям со стороны может показаться забавным, для нас — седые волосы. Поскольку здесь от смешного до трагического даже не шаг, а миллиметр. И когда артист на репетиции срывается с трапеции и в последний момент хватается за страховку, для меня это не смех, а предынфарктное состояние.

— Чем цирк Максима Никулина отличается от цирка Юрия Никулина?

— На самом деле суть цирка состоит в том, что происходит до представления. Главным достижением отца — кроме того, что он сохранил здание цирка, потому что я убежден, что без него бы этого никто не сделал, — было то, что он создал атмосферу, в которой и по сей день работает наша команда. Я без всякой лести могу сказать, что сегодня у нас собралась одна из лучших, а я знаю практически все серьезные цирки в мире, цирковых трупп. К счастью, мы сохранили систему взаи-

моотношений, которая сложилась при отце в силу его доброты, мужества, честности и преданности искусству. Иначе бы наш цирк уже давно был бы совершенно другим, наверное, намного хуже. Мы продолжаем дело, начатое моим отцом.

— Почему вы, будучи цирковым ребенком, не пошли по стопам отца и не стали артистом?

— Во-первых, мои родители не очень хотели, чтобы я становился артистом. Да и я, собственно говоря, тоже к этому не стремился, потому что по менталитету не являюсь публичным человеком и у меня никогда не было стремления выразить себя перед аудиторией. А настоящим артистом может стать только тот, кого такая потребность сжигает изнутри. Многие мои сверстники становились артистами цирка только потому, что им не оставалось ничего другого. У их родителей порой не было не то что квартиры, а даже и прописки, поэтому дети вместе с ними мотались по стране, меняли школы по нескольку раз в год. Ни о каком серьезном образовании речи в таких условиях, естественно, идти не могло, а поскольку на руках они ходить начинали раньше, чем на ногах, то ничего, кроме цирка, им и не оставалось.

А у моих папы с мамой перед другими артистами было большое преимущество: комната в Москве и бабушка, которая могла со мной сидеть. И когда они уезжали на гастроли, я оставался в Москве с бабушкой.

— Иногда складывается впечатление, что творческие люди в жизни от своей работы отдыхают. Так, например, многие писатели-сатирики, артисты комических жанров и так далее в повседневном быту превращаются в довольно мрачных, скупых на улыбки субъектов. А каким был Юрий Никулин?

— Отец в этом плане являлся просто уникальным человеком. Он был самым собой везде: на манеже, на экране, дома. Это такое качество, которому нельзя ни

научиться, ни воспитать в себе, у очень не многих людей я встречал что-то подобное. Парадокс его личности в том, что он никогда не играл и ни под кого не подстраивался. На сцене он, конечно, перевоплощался, но не терял того главного, что в нем было. Помню, отец принимал участие в юбилейной программе «Спокойной ночи, малыши!». Кукловоды залезли под отцовский стол, а Хрюша со Степашкой как будто пришли в гости к директору цирка. Когда съемки закончились, актриса, изображавшая Хрюшу, говорит: «Юрий Владимирович, вы же с куклами как с людьми разговаривали!» Он только удивленно пожал плечами. Потому что отец в одной манере общался со всеми — и с министром, и с билетером.

— На одном языке?..

— Я бы не назвал это одним языком, скорее, он со всеми всегда говорил на своем собственном языке. И везде оставался Юрием Никулиным. А это очень ценное качество, ведь честность и искренность всегда в большом дефиците, и поэтому люди к отцу тянулись.

— Наверное, в вашем доме было всегда много гостей?

— Да, когда родители возвращались с гастролей в Москву, то вечерами после спектаклей у нас постоянно собирались потрескавшиеся компании. Сейчас я прекрасно понимаю, что это было золотое время, потому что к родителям приходили люди, близкие им по духу, чьими книжками я по сей день читаюсь. Но для меня это все дяди и тети: дядя Женя Евтушенко, дядя Булат Окуджава, дядя Витя Некрасов, дядя Женя Урбанский и так далее. Для нас с двоюродным братом было самой счастливой минутой, когда взрослые о нас забывали и мы тихонько сидели в уголке и слушали, как они говорят, подшучивают друг над другом, рассказывают анекдоты, поют. Мы, конечно, не могли оценить масштаб этих людей, но все рав-

но как замороженные слушали их ночные беседы, пока нас не прогоняли спать.

— А представители власти и партии на этих посиделках бывали?

— Нет, у отца не было особой близости с властью имущими. Его даже ни разу не приглашали на кремлевские концерты. Хотя он был абсолютно лоялен к режиму, прекрасно знал правила игры. Например, в 80-е годы — разгар махового застоя — ему вручали какой-то серьезный орден. То ли Ленина, то ли звезду Героя Соцтруда. Из Кремля папа вернулся слегка расстроенный: «Мне кажется, я что-то не то сказал». Во время церемонии все награжденные выходили и говорили какие-то полагющиеся слова, благодарили партию и правительство. Отцу захотелось как-то рутину разбавить, и он произнес: «...Я, как клоун, могу пообещать, что мы вас еще рассмешим». Эту речь в телеэфир так и не пустили.

— Была ли у вас с отцом духовная близость?

— Наверное, нет. И сейчас мне довольно горько сознавать, что отца за три года нашей совместной работы я узнал больше, чем за всю предыдущую жизнь. Потому что, когда я был маленький, они с матерью очень много гастролеровали. А когда он осел в Москве, то я был больше занят своими делами, жил от них отдельно.

— Как он вас воспитывал?

— В сущности, никак. Для него кого-то воспитывать, ругать, в том числе и сына, всегда было большой проблемой. И даже когда он руководил цирком, то отчитать провинившегося в чем-то сотрудника или, не дай бог, его уволить отец мог с большим трудом и всегда из-за этого всегда сильно переживал. Помню, пару раз я присутствовал при том, как он пытался отругать кого-то из подчиненных. Это выглядело примерно так: «Мальчик, ну что же ты сделал? Ну зачем, что же это такое?» Других слов у него не было.

89